

С подножия горы казалось, что соседнее место близко, но на машине пришлось ехать ещё около двадцати минут, прежде чем показались ажурные железные ворота. Ворота открылись, и машина проехала по дороге, обсаженной вечнозелёными кипарисами, прежде чем добраться до главного дома семьи Линь.

Выйдя из машины, Шэнь Цзялань медленно шёл, осматриваясь. Вместо ожидаемой сдержанной роскоши он увидел свежий, деревенский стиль, который был уникален и своеобразен.

Женщина средних лет в простой, но элегантной одежде подрезала цветы. Увидев их, она отложила ножницы и с улыбкой подошла навстречу. Её мягкая, изящная улыбка действительно заслуживала похвалы «изысканна, как орхидея».

Возможно, большинство девушек из знатных семей воспитывались именно так: нежные, спокойные, образованные и воспитанные. Однако, пройдя через испытания времени, каждая обретала свой уникальный шарм.

— Добро пожаловать! Ты, должно быть, Цзялань, о котором говорил Е? Красивое имя, и сам ты прекрасен. Старый Ли, этот ребёнок действительно изыскан и хорош собой.

Шэнь Цзялань предположил, что это мать Линь Е, и тихо произнёс:

— Здравствуйте, тётя.

Госпожа Линь искренне похвалила, кивнув:

— Хороший ребёнок.

Старый Ли, стоя рядом, сказал:

— У госпожи действительно хороший вкус, я тоже так думаю.

Госпожа Линь, посмеявшись, сказала:

— Цзялань, пусть Ли Бо проводит тебя. Не волнуйся, я тебе по секрету скажу: старый мастер запретил Е возвращаться, но я тайком предупредила людей у ворот пропустить его. Через час-полтора Е уже будет здесь.

— Спасибо, тётя, за вашу заботу.

На лице Шэнь Цзяланя была улыбка, но в душе он думал: кажется, Ли Бо и госпожа Линь производят неплохое впечатление. Может, стоит сохранить этот нежный и безобидный образ, чтобы угодить старому мастеру и успешно выполнить задание?

Нет, нет. Он считал, что это было бы слишком просто, совсем неинтересно, такой вариант сразу отпадал.

У него на запястье, прижатый к коже, лежал короткий клинок, который он взял с собой утром. Холод лезвия давал ему чувство безопасности.

— Поднимись на третий этаж сам. Без разрешения старого мастера мы обычно не можем туда подниматься, так что я могу проводить тебя только до сюда.

— Хорошо.

Шэнь Цзялань ступал по мягкому ковру. Деревянные стены по обеим сторонам коридора источали древний аромат, а в конце свет из окна в потолке лился мягким солнечным светом.

Подойдя к последнему кабинету, он увидел охранников, которые, как обычно, добросовестно обыскивали посетителей. Это было непреложным правилом.

Затем они нашли короткий клинок, и их лица мгновенно изменились, а взгляд на Шэнь Цзяланя стал настороженным и полным подозрений.

— Господин Шэнь, прошу.

Шэнь Цзялань усмехнулся и холодно сказал:

— Не стоит.

Он вошёл в кабинет. С того момента, как он переступил порог, его аура претерпела кардинальные изменения.

Если бы нужно было это описать, то это было похоже на камень, в котором что-то скрыто: появляется трещина, внутреннее содержание прорывается наружу, а внешний слой рассыпается в песок, обнажая истинный, долгое время скрытый облик.

Шэнь Цзялань увидел старого мастера Линь, сидящего в кресле-тайшици и наблюдающего за шахматной доской. Сидящий там старик обладал грозным видом без всякого гнева, а его спокойные и уверенные движения создавали впечатление пронизательной мудрости.

Он не боялся старого мастера Линь, а уверенно встал перед ним. Старый мастер Линь поднял на него взгляд и в тот же миг внутренне содрогнулся.

Человек перед ним был слишком красив и слишком необычен. Его соблазнительная улыбка была подобна ножу, вонзающемуся прямо в сердце, смертельно опасному очарованию,

способному лишить дыхания.

И он, казалось, не осознавал этого, улыбаясь ещё более соблазнительно, словно цветок, буйно распускающийся во всей своей красе.

Этот красивый и опасный человек, похоже, был тем типом, который мог бы понравиться его внуку Линь Е.

Однако, осмелиться прийти с ножом, спрятанным на теле, чтобы встретиться с ним, — это было дерзко. Неизвестно, было ли у этого другая цель.

Старый мастер Линь бросил взгляд на короткий клинок, лежащий на чайном столике, и спросил спокойным тоном:

— Есть что объяснить?

В его словах чувствовался вызов, словно он хотел сразу поставить на место.

Шэнь Цзялань приподнял бровь и сказал:

— Пожалуйста, опустите эти ненужные проверки и подозрения. Возможно, мы можем узнать друг друга более прямо.

Старый мастер Линь отложил шахматную фигуру и наконец серьёзно взглянул на этого молодого человека. Его действия полностью выходили за рамки ожидаемого.

Достаточно смелый, достаточно решительный, но неизвестно, не слепая ли это самонадеянность.

— Похоже, тебе есть что сказать мне, старику.

Шэнь Цзялань склонил голову набок и сказал:

— Старый мастер, вы всё ещё ходите вокруг да около, это неудобно.

Старый мастер Линь посмотрел на него и сказал:

— Не ожидал, что ты такой нетерпеливый. Давай, молодой человек, сохраняй спокойствие. Не хочешь ли рассказать мне, что вы с моим внуком задумали?

Не зря Линь Е называл его старым хитрецом. Наверняка он первым не поверил в их сделку и притворство влюблёнными.

Как же так?

Если его так легко испугать и выдать себя, это было бы полным провалом.

Шэнь Цзялань сохранял спокойствие и улыбался:

— Это Е влюбился в меня с первого взгляда.

Старый мастер Линь не ожидал такого ответа, был немного удивлён, но затем его взгляд вновь стал пронизательным и хитрым.

Он погладил свою небольшую бородку и сдержанно сказал:

— Мой внук, должно быть, не настолько поверхностен.

Шэнь Цзялань подошёл, сел и начал играть с тем коротким клинком, беспечно говоря:

— Кто знает? Я лишь знаю, что он отчаянно нуждается во мне, так же, как и я в нём.

Он не говорил «люблю» или «нравится» — это было слишком банально, он просто не мог такое выговорить, поэтому намеренно выразился так двусмысленно, чтобы вызвать догадки.

— Значит, твои отношения с моим внуком не такие, как я думал?

— Вы слишком много думаете. Если бы это было неправдой, Е не стал бы так усложнять, делая то, что требует усилий, но не приносит пользы.

Старый мастер Линь невозмутимо сказал:

— Не обязательно.

Он знал своего внука. Если говорить откровенно, тот был холоден до одержимости и никогда не позволил бы эмоциям превзойти разум в порыве.

Шэнь Цзялань улыбнулся:

— Судя по вашим словам, Е действительно стоит задуматься о себе.

— Если бы он мог задуматься, он не был бы Линь Е.

Внимание старого мастера Линь привлекли его руки. Они были красивы, вытянутые, словно очищенный молодой зелёный лук, свежие и нежные.

Сейчас его пальцы вращали тот короткий клинок, и вскоре движение становилось всё быстрее. Клинок, подобно порхающей бабочке, летал вверх и вниз между его пальцами, множественные размытые тени почти слепили глаза.

Одного этого умения было достаточно, чтобы понять: Шэнь Цзялань определённо тренировался. Не говоря уже о другом, его личность и прошлое уже вызвали подозрения.

Старый мастер Линь не мог понять его намерений и сказал:

— Похоже, необходимо провести более тщательное расследование. Кажется, мы кое-что упустили в отношении старшего молодого господина семьи Шэнь. Как ты думаешь?

— Старый хитрец.

Он произнёс это, затем резко остановил пальцы. Короткий клинок, отброшенный между пальцев, почти беззвучно глубоко вонзился в деревянный чайный столик.

Старый мастер Линь взглянул и сказал:

— Острый клинок.

— Это мой самый любимый.

— Ты не используешь ножны, носишь его так, прижатым к телу. Разве не должен быть начеку, чтобы не пораниться самому?

— Даже самое острое оружие — это часть собственного тела. Если оружие ранит тебя, значит, ты слишком слаб, чтобы им управлять.

Старый мастер Линь кивнул, затем резко сменил тему:

— Ты и мой внук Линь Е — кто из вас то оружие, что может ранить?

Хотя истинное положение Шэнь Цзяланя было неизвестно, что мешало переоценить его силу? Раз он решил связаться с его внуком Линь Е, то у обоих, вероятно, были свои цели.

Старый мастер Линь беспокоился о том, кто из них — Линь Е или Шэнь Цзялань — был тем ножом в руках другого.

В глазах Шэнь Цзяланя он увидел то же, что и у его внука Линь Е: силу, высокомерие, нежелание уступать. Даже он должен был признать, что такой человек достоин его внука Линь Е.

Однако, что они были вместе из-за любви — в этом он до сих пор сомневался наполовину.

Шэнь Цзялань перед ним был слишком хитер. Он не пытался убедить его изменить мнение, не было ни ожидаемой уступчивости, ни попыток растрогать. Вместо этого он с самого начала беззастенчиво обнажил всё, что не должен был, заставляя его заподозрить неладное.

Что хорошего ему это могло принести?

<http://bllate.org/book/15261/1346567>